

К вопросу о некоторых формах ненасильственного протеста против коллективизации сельского хозяйства в 1930-е годы

И.В. Ефремов^{1а}, С.В. Ковригина^{1б}

¹ Братский государственный университет, ул. Макаренко, 40, Братск, Россия

^а iveremov@bk.ru, ^б sarapylova@bk.ru

^а <https://orcid.org/0009-0009-4467-0886>, ^б <https://orcid.org/0009-0006-6400-7801>

Статья поступила 28.04.2025, принята 26.05.2025

В статье рассматриваются отдельные формы ненасильственного протеста советского крестьянства против коллективизации сельского хозяйства, раскулачивания и ликвидации кулачества как класса в 30-е годы прошлого века. В указанный временной период, помимо террористических актов в отношении низовых партийных и советских работников и сельских активистов, поджогов колхозного имущества, вооруженных восстаний и прочих сопряженных с нарушением закона проявлений борьбы за сохранение прежних порядков, крестьяне активно практиковали отказ от ведения сельского хозяйства, распродажу имущества и бегство в города на стройки первых пятилеток. Серьезным препятствием к выезду из деревни являлось отсутствие паспортов у подавляющего большинства жителей сельской местности, а также меры государства, направленные на противодействие оттоку крестьян в города. Это выражалось главным образом в ограничении выдачи справок, необходимых для получения паспортов, а также в требованиях предварительно выплатить все обязательства по зернопоставкам, контрактации льна и т.д. Несмотря на это, в официальных документах советской власти регулярно фиксировалась тенденция к увеличению количества крестьян, получивших паспорта и выезжавших из деревни, а также тех, кто покидал сельскую местность без необходимых документов, попросту бросив свое домашнее хозяйство на произвол судьбы. Все попытки единоличников отказаться от вменяемых им требований участвовать в посевных кампаниях, лесозаготовках, лесосплаве и иных видах трудовой повинности пресекались репрессивными методами, приводя в том числе к уголовному преследованию и тюремному заключению. Недовольные крестьяне открыто говорили о своем бесправном положении и фактическом возвращении крепостного права. Власть при этом утверждала, что большую часть деревни коллективизация сельского хозяйства вполне устраивает, а попытки сопротивления демонстрируют лишь классовые враги трудового крестьянства, лишившиеся возможности наживаться на эксплуатации беднейших слоев.

Ключевые слова: коллективизация, деревня, налог, единоличник, колхоз, паспорт, крестьянские хозяйства, город, саботаж, прокуратура.

On the issue of some forms of non-violent protest against the collectivization of agriculture in the 1930s

I.V. Efremov^{1а}, S.V. Kovrigina^{1б}

¹ Bratsk State University; 40, Makarenko St., Bratsk, Russia

^а iveremov@bk.ru, ^б sarapylova@bk.ru

^а <https://orcid.org/0009-0009-4467-0886>, ^б <https://orcid.org/0009-0006-6400-7801>

Received 28.04.2025, accepted 26.05.2025

The article examines individual forms of non-violent protest by the Soviet peasantry against the collectivization of agriculture, dis-possession, and the elimination of the kulaks as a class in the 1930s. During that period, in addition to terrorist acts against grassroots party and Soviet workers and rural activists, arson of collective farm property, armed uprisings, and other illegal manifestations of the struggle to preserve the old order, peasants actively refused to farm, they sold off property and fled to the cities to work on the construction sites of the first five-year plans. A serious obstacle to leaving the village was the lack of passports for the overwhelming majority of rural residents, as well as government measures aimed at counteracting the outflow of peasants to the cities. This was expressed mainly in restrictions on the issuance of certificates required to obtain passports, as well as in demands for advance payment of all obligations for grain deliveries, flax contracts, etc. Despite this, official documents of the Soviet government regularly recorded a tendency for the number of peasants to increase in the number of those receiving passports and leaving the village, as well as those who left the countryside without receiving the necessary documents, simply abandoning their households to their fate. All attempts by individual farmers to refuse the demands imposed on them to participate in sowing campaigns, logging, timber rafting and other types of labor service were suppressed by repressive methods, including criminal prosecution and imprisonment. Dissatisfied peasants openly spoke about their disenfranchised position and the de facto return of serfdom. The authorities claimed that most of the village was quite satisfied with the collectivization of agriculture, and that attempts at resistance were demonstrated only by class enemies of the working peasantry, who had lost the opportunity to profit from the exploitation of the poorest strata.

Keywords: collectivization, village, tax, individual farmer, collective farm, passport, peasant farms, city, sabotage, prosecutor's office.

Введение. Коллективизация сельского хозяйства, раскулачивание и ликвидация кулачества как класса являются собой один из самых драматичных периодов истории нашего государства. Начиная с 1928 г., когда

наступление государства на деревню стало выражаться в осуществлявшемся насильственными методами колхозном строительстве, и до второй половины 30-х гг. привычным явлением для страны стал крестьянский протест. Наиболее ярким, но далеко не единственным проявлением этого протеста являлись вооруженные выступления крестьянства и расправы с проводниками советской власти в сельской местности. Как свидетельствует статистика судебных органов, только в центральных областях РСФСР за 9 месяцев 1929 г. так называемые кулаки организовали террористические акты против 1002 человек. Среди потерпевших было 544 служащих низовых советских органов, 412 общественников, 46 сельских корреспондентов. Мотивами преступлений в большинстве случаев (71,3 %) являлась общественная деятельность жертв, а также осуществленные с их участием хлебозаготовки (13,9 %) [1].

Поджоги, убийства и покушения на убийства стали привычной формой сопротивления крестьянства принудительной коллективизации. При этом в отдельные периоды ситуация в стране по уровню напряженности была близка к периоду завершения Гражданской войны и осуществления политики военного коммунизма. Однако если в 1921 г. в разгар спровоцированных продразверсткой крестьянских выступлений советская власть все же вынуждена была пойти на изменение курса, то в конце 20-х – начале 30-х гг., когда за счет небывалого нажима на деревню сохранялись высокие темпы индустриализации, подобный вариант развития событий даже не рассматривался.

Основная часть. Яркой особенностью коллективизации сельского хозяйства стало то, что, пожалуй, впервые в истории Российского государства это время явило собой абсолютно несвойственный отечественной деревне феномен – самоликвидацию крестьянских хозяйств и бегство крестьян в города. Уникальность ситуации состояла в том, что российское крестьянство на протяжении многих веков демонстрировало крайне невысокую мобильность и низкий уровень готовности к смене места жительства и рода деятельности. Это ярким образом проявилось в том числе в ходе аграрной реформы П.А. Столыпина. С точки зрения ментальности, образа жизни, семейных традиций крестьянская среда не менялась столетиями. Именно поэтому, например, российское крестьянство длительное время являлось опорой монархического строя. Однако ситуация в деревне в конце 20-х – начале 30-х гг. минувшего века была настолько экстраординарной для традиционно консервативных и несклонных к переменам жителей сельской местности, что они десятками тысяч покидали родные избы, с готовностью принимая абсолютно новый для них жизненный уклад. Так, например, в секретной справке Информационного отдела ОГПУ от 1 февраля 1930 г. о бегстве и самораскулачивании кулачества на Украине говорится о том, что охваченное паникой кулачество в ряде округов спешно ликвидирует свои хозяйства, распродалая и уничтожая сельскохозяйственный инвентарь, имущество и отказываясь от своих земельных наделов. Подобные факты массово регистрировались в Николаевском, Сумском, Артемовском, Уманском, Криворожском, Николаевском и других округах.

В документе отмечается, что по ряду районов Сумского, Днепропетровского и других округов покидающие после ликвидации своих хозяйств кулаки преимущественно направляются в промышленные округа. Некоторые при этом ухищряются приобрести фиктивные справки о своем социальном положении и трудоустроиться на шахтах, рудниках и других промышленных предприятиях Донбасса [2].

Следует учитывать, что формулировка «кулак» зачастую не отражала реального имущественного и социального статуса крестьянина, потому что кулаками в официальных документах властей нередко называли крестьян-интенсивников, сумевших самостоятельно, без использования наемного труда и аренды крупных сельскохозяйственных площадей добиться высокой урожайности и, как следствие, доходности своего хозяйства. При этом никаким классовым врагом такой труженик для деревенской бедноты, конечно же, не являлся. Нередкостью были и случаи, когда в условиях новой экономической политики в 1921–1927 гг. разбогатеть ухищрялись вчерашние бойцы РККА или бывшие красные партизаны, т.е. идейные сторонники большевиков.

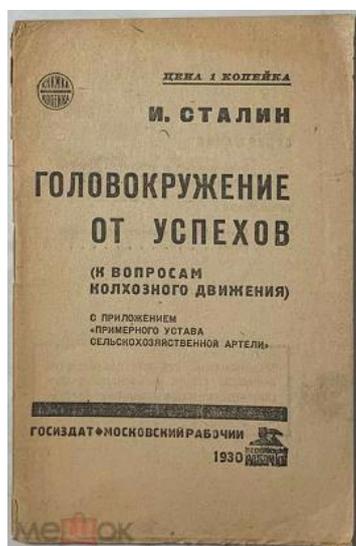
При этом настоящие кулаки из числа тех, кто пережил события Гражданской войны, будучи обложенными индивидуальным налогом, в большинстве своем в 20-е гг. старательно избавлялись от внешних признаков кулачества: отказывались от использования труда батраков, распродалывали сельскохозяйственные машины, намного сокращали посевные площади.

Отсутствие в период коллективизации четких критериев понятия «кулак» вкупе с широким распространением еще более расплывчатого термина «подкулачник», а также их произвольное толкование исполнителями на местах часто приводило к тому, что репрессивные меры государства осуществлялись в отношении всех зажиточных крестьян, без учета их дереволученного статуса и того, каким путем им удалось повысить свое благосостояние. Кроме того, первостепенную роль играло отношение к мероприятиям советской власти и в первую очередь, конечно, к коллективизации. Как результат, не желающие вступать в колхозы, обобществлять скот и сельскохозяйственный инвентарь жители села наравне с кулаками подвергались колоссальному налоговому прессингу, поражению в правах и издевательствам со стороны обличенных властью односельчан.

Бегство из родной деревни зачастую оставалось единственным способом спастись от уплаты недоимок по налогам и обвинений в уклонении от выполнения обязательств по севу, принудительно вмененных единоличным крестьянским хозяйствам. Поскольку все попытки на законных основаниях отказаться от ведения хозяйства и уехать в город заканчивались безрезультатно, людям приходилось прибегать к приобретению подложных документов и переходить на нелегальное положение.

Что особенно важно, стремление крестьянства избавиться от хозяйства и бежать в город не было каким-то местечковым и временным истеричным всплеском протеста, а наблюдалось практически по всей стране на протяжении длительного времени. Даже существенное

смягчение карательной политики государства в отношении крестьянства, наблюдавшееся после выхода знаменитой статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов» и спущенных низовым партийным и советским работникам директив, направленных на борьбу с «искривлениями», не смогло заметно повлиять на данную ситуацию.

В совершенно секретной справке Информационного отдела ОГПУ об убое и разбазаривании скота, датированной 17 декабря 1930 г., говорится следующее: «В связи с проводимыми заготовками и допущенными перегибами в их практике отмечается особенно значительное уничтожение скота зажиточными и середняками, попавшими под индивидуальное обложение и твердые задания или опасавшимися их. По многим районам отмечены тенденции многих кулацких зажиточных и отдельных середняцких семей ликвидировать, «за невыгодностью», свои сельские хозяйства и перейти на производство в город» [3].

Можно уверенно утверждать, что отток крестьянства из деревни был бы значительно более массовым, если бы сельские жители обладали паспортами. Именно отсутствие основного документа, удостоверяющего личность гражданина СССР, являлось главным препятствием для большинства из тех, кто планировал отказаться от привычного жизненного уклада и перебраться в город. Для многих крестьян получение паспорта становилось первым шагом к бегству, и заинтересованная в удержании населения в деревнях власть, безусловно, прекрасно это понимала.

Циркуляр Главного управления рабоче-крестьянской милиции Народного комиссариата внутренних дел СССР от 1 января 1935 г., касающийся выдачи паспортов жителям непаспортизованных сельских районов, отмечает, что некоторые сельские жители желают получить паспорта без каких-либо на это причин. Их желание обрести заветный документ не связано с приемом на работу, где наличие паспорта обязательно, или с выездом за пределы села. Автором документа озвучивается предложение утвердить порядок, предполагающий получение паспорта лишь при условии выезда в паспортизированные местности или трудоустройства

на промышленные предприятия. Граждане, которые уже получили паспорта, но при этом не были приняты на фабрики или заводы и уезжать никуда пока не спешили, должны были вернуть документы. Во избежание недоразумений крестьянам планировалось разъяснить, что для проживания на непаспортизованных территориях паспорта им попросту не нужны [4].

Говоря простым языком, для выдачи паспорта крестьянину нужна была серьезная причина, не идущая в разрез с интересами государства в деревне. Одно лишь желание переехать в город, подальше от непосильной работы в колхозах, было недостаточно.

Особый интерес вызывает тот факт, что уже 16 марта 1935 г. появился новый циркуляр, разъясняющий принципиально иной подход к выдаче паспортов жителям непаспортизованных районов сельской местности. В указанном документе упоминается постановление Совета народных комиссаров СССР, из которого следует, что в случае выезда на новое место жительства крестьянам необходимо заблаговременно получать паспорта, имеющие ограниченный одним годом срок действия. Получать паспорта нужно было вне зависимости от того, в паспортизованное или непаспортизованное село осуществлялся переезд.

Всех приехавших в деревню, как следует из циркуляра, предполагалось фиксировать в поселенных списках исключительно по паспортам. Помимо этого на работников сельсоветов и участковых инспекторов требовалось возложить функцию наблюдения за ними. В случае, если выявлялись переселенцы без паспортов, прибывшие после 15 апреля 1935 г., их надлежало из деревни выпроваживать до получения документов [5].

Данное нововведение, по всей видимости, было призвано противодействовать крестьянам, бегущим от коллективизации и стремящимся затеряться не на стройках первых пятилеток в городах, а в непаспортизованных деревнях и селах. Те, кому удавалось покинуть родное село, нередко становились объектами зависти для своих менее удачливых земляков, подавая пример ненадлежащего, с точки зрения властей, поведения. Необходимость противодействия оттоку крестьян из деревни для низовых партийных и советских работников была тем более очевидна, поскольку было непонятно, каким образом в этом случае реагировать на невыполнение ранее доведенных до этих крестьян обязательств по севу и неуплату налогов в денежной форме.

Даже органы прокуратуры не имели четкой линии поведения и вынуждены были обращаться за разъяснениями ситуации. Подтверждением этого является направленный в марте 1935 г. в Народный комиссариат земледелия запрос прокурора Северного края Бокарева, в котором он пытается выяснить правовой статус хозяйств, владельцы которых отказались от своих земельных участков. Из документа следует, что прокуратура столкнулась с большим количеством жалоб единоличников, которые, стремясь выехать на жительство в города, пытались покинуть свои хозяйства. Однако сельсоветы отказывались принимать у них землю и не выдавали справок, позволяющих получить паспорта и трудоустроиться на фабрики или заводы. Кроме того, от них продолжали требовать выполнение обязательств по контрактации льна, зернопоставкам и т. д.

Бокарев сообщает, что для единоличников подобная ситуация нередко завершается настоящим бегством, когда распродается скот, сельскохозяйственный инвентарь и все более или менее ценное, а хозяин с членами своей семьи выезжает, не выполнив никаких обязательств. После этого сельсовет распродает дома, надворные постройки и остатки брошенного имущества.

В запросе говорится и о том, что в ряде случаев единоличникам все же удалось официально передать сельским властям свои земельные участки и либо выехать в города, либо остаться в селе и, сохранив скот и усадебный участок, продолжать жить без выполнения каких-либо сельскохозяйственных обязательств.

В одном только Котласском районе в указанный период было зафиксировано более 1700 подобных хозяйств, живущих случайными заработками. Единственное, что удавалось взыскать с них государству, – это платежи по обязательному страхованию. Никаких налогов они не платили и платить не собирались.

Исходя из содержания запроса, Бокареву важно было получить четкое руководство к действию в том, что касается случаев отказа единоличников от земли. Наряду с этим он пытался выяснить, насколько правомочны власти вменять подобным хозяйствам выполнение обязательств по севу или, например, по поставкам мяса. Помимо этого, прокурор хотел понять степень ответственности таких крестьян в случае, если они не выполняют обязательства или попросту откажутся их принимать. В своем обращении он акцентирует внимание на том, что дурной пример таких жителей села в части уклонения от уплаты налогов и выполнения работ и разного рода обязательств негативно сказывается на настроении их соседей, и просит дать ему указания [6].

В разъяснении Народного комиссариата земледелия СССР по всем озвученным вопросам, датированном августом 1935 г., содержится упоминание о том, что местным органам надлежит привлекать к ответственности те хозяйства, которые неоднократно отказываются заниматься обработкой своей земли и не выполняют планы посевов. В качестве крайней меры воздействия на них указывается не только отчуждение приусадебной земли, но и высылка из Северного края. В качестве правового обоснования Наркомзем ссылается на постановление III сессии ЦИК СССР 6 созыва.

Рассчитывать на то, что причина отказа от земли будет признана уважительной, могли лишь те единоличные хозяйства, где все трудоспособные лица были заняты постоянной работой на промышленных предприятиях или отсутствовали вовсе.

Уменьшение единоличником посевной площади без уважительной причины, равно как и полный отказ засеять ее, предполагали взыскание с него налога, аналогичного тому, что уплачивался им в прошлом году, т.е. до сокращения посевных площадей. Колхозу при этом вменялось в обязанность засеять его землю, чтобы она не простаивала.

Обращается внимание на то, что все единоличные хозяйства должны участвовать в поставках мяса государству. Наличие или отсутствие скота и птицы при этом значения не имело, как не играло никакой роли и имущественное положение в целом. Все единолични-

ки, обладавшие приусадебными участками, также должны были выполнять планы по посеву картофеля [7].

Таким образом, государство, проанализировав ситуацию с отказом единоличников от земли, достаточно четко обозначило свою жесткую позицию по данному вопросу. Ведение хозяйства труженниками села, как явствует из этой позиции, отныне признавалось не правом, а обязанностью крестьянства. Независимо от того, обрабатывается земля или простаивает, без учета наличия или отсутствия скота или необходимого сельскохозяйственного инвентаря, жителям деревни вменялись обязательства по уплате налогов и выполнению поставок сельхозпродукции, а также сопряженных с этим «повинностей». Неслучайно в 30-е гг. крестьянство все чаще заявляло о фактическом возвращении крепостного права. Только в роли помещика в это время выступало само советское государство.

Большевики, конечно же, отметили подобные сравнения, заявляя, что никаких аналогий не просматривается и все это происки их классовых врагов. Так, Всеобщий староста М.И. Калинин по этому поводу рассуждал: «Вообще можно установить три этапа в развитии кулацкой борьбы против колхозов. Первый этап, когда среди крестьянства начинает усиленно бродить мысль об организации колхоза. В это время кулак ведет бешеную агитацию против колхозов, распространяя про них всякую небылицу вроде того, что это есть «крепостное право». Второй этап, когда колхоз, несмотря на кулацкую агитацию, все-таки организован. Тогда кулак пускает в ход террор и поджоги. Третий этап, когда колхоз окреп и великолепно ведет свою работу. Теперь кулак «сменяет гнев на милость» и сам устремляется в колхоз, чтобы разлагать его изнутри» [8].

Тем не менее делать вид, что в основной массе крестьянство искренне радуется тому, что его загоняют в колхозы, а отдельные недовольные представляют собой исключительное кулачество, чиновникам становилось все сложнее. Приведенная М.И. Калининским периодизация этапов кулацкой борьбы против колхозов не выдерживает критики хотя бы потому, что массовое колхозное строительство к 1935 г., когда Народный комиссариат земледелия СССР прислал прокурору Северного края требующиеся ему разъяснения, уже завершилось, при этом бесправное положение крестьянства приобрело законодательное оформление.

Что особенно важно, несмотря на репрессивные меры, единоличники, в отношении которых эти меры применялись, продолжали упорствовать и отказываться от выполнения вменяемых им заданий и во второй половине 30-х гг. Документы свидетельствуют о том, что в Дзержинском районе Красноярского края на 1 июня 1936 г. из причитающихся к посеву 502 гектаров единоличниками не был засеян ни один гектар. К ответственности за это были привлечены 25 человек, причем 17 из них были приговорены к лишению свободы сроком до двух лет тюремного заключения. Однако данная мера не подействовала и к сеvu ни один единоличник так и не приступил. В целом по Красноярскому краю на 10 июня 1936 г. в ситуации, когда по колхозам план сева был выполнен на 98 %, единоличники засеяли только 17 % от запланированного.

Прокурор Куйбышевского края в этот же период сообщал, что большая часть уголовных дел, имеющих отношение к посевным работам, связана с привлечением к ответственности отказавшихся от принятия обязательств по весеннему севу единоличников.

В некоторых регионах при этом жесткий нажим на единоличников все же вынудил их прекратить саботаж и приступить к весеннему севу. В сводке прокурора Ленинградской области за май того же года указывалось, что по Дрегельскому району был массовый отказ от принятия плана и производственного сева. Из 50 единоличных хозяйств Сивцевского сельсовета принять план и приступить к севу отказались 32 хозяйства. После того как два организатора саботажа были осуждены, а с остальными участниками была проведена соответствующая разъяснительная работа, ситуацию удалось переломить. При этом 20 хозяйств приступили к севу, а 12 даже вступили в колхоз.

Похожая картина наблюдалась и в Дедовичском районе. Там около 230 хозяйств отказывались от сева, но после того как были осуждены 14 человек, обстановка нормализовалась и посевные работы пусть и с опозданием, но все же были проведены в полном объеме [9].

Продолжался в этот период и отток крестьянства из деревни. В некоторых случаях это был временный выезд на заработки, однако гораздо чаще люди уезжали в города навсегда. Причем в числе уезжавших были как единоличники, так и колхозники. Увеличению количества желающих покинуть сельскую местность способствовал не только жесткий прессинг крестьянских хозяйств, но и продовольственная необеспеченность, нередко граничившая с голодом.

Так, например, в Судайском районе Ярославской области в 1936 г. в президиум колхоза им. Сталина колхозник Елизаров подал заявление с требованием

отпустить его на заработки. В качестве причин требования он указывал отсутствие у него хлеба и денег и даже угрожал президиуму самоубийством, если его не отпустят. В Нагорьевском районе многолетний колхозник Киселев объявил голодовку из-за отсутствия продовольствия и отказа со стороны правления колхоза разрешить ему выезд на заработки.

В документах спецслужб указывалось следующее: «При этом следует отметить, что подчас колхозники уходят самовольно, не получая разрешения от правлений колхозов. Например, в Судайском районе за август вышло 164 чел., а в сентябре вышло 222 чел. В Пошехонно-Володарском районе с 1 августа по 25 сентября 1936 г. выдано 1107 паспортов для выезда из района. В Антроповском районе в колхозе «Красные поляны» все мужчины-колхозники, в том числе и председатель правления, подали заявления об уходе на заработки» [10].

Заключение. Таким образом, можно утверждать, что победа ленинского кооперативного плана, о которой в 30-е гг. восторженно трубила советская пропаганда, действительно до неузнаваемости изменила деревню. Изменения эти выражались не только в объединении разрозненных индивидуальных хозяйств в колхозы, но и в том, что наиболее работоспособная, активная и успешная часть крестьянства, не сумев принять радикальные преобразования, отказалась встраиваться в сложившуюся систему и встала на путь протеста. Этот протест далеко не всегда выражался в вооруженном противостоянии мероприятиям советской власти. Гораздо чаще люди выбирали формы ненасильственной борьбы, предполагавшие уклонение от уплаты налогов и участия в посевных работах, распродажу скота и отказ от земельных участков, переезд в села и деревни других регионов или бегство в города.

Следует отметить, что в отличие от активных форм вооруженного противостояния, с которыми советская власть сумела в основной массе покончить еще в первой половине 30-х гг., ненасильственный протест крестьянства стал заметным явлением вплоть до начала Великой Отечественной войны. Безусловно, он не мог хоть сколько-нибудь существенно отразиться на аграрной политике советского государства и являлся для большевиков скорее раздражающим, нежели сдерживающим фактором. Вооруженные крестьянские выступления в период так называемой сплошной коллективизации вынудили И.В. Сталина в 1930 г. переключать вину за ситуацию в деревне на не в меру ретивых исполнителей. Итогом этого стали многочисленные показательные судебные процессы в отношении «перегибщиков», возвращение незаконно обобществленного имущества, реабилитация части незаконно раскулаченных крестьян и временное смягчение нажима на деревню. Ненасильственный протест в этом отношении привел лишь к корректировке налогового законодательства и ужесточению требований в части выдачи паспортов.

Литература

1. Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 2. 3-е изд., доп. М.: Политиздат, 1980. С.309.
2. ЦА ФСБ РФ. Ф.2. Оп. 8. Д. 653. Л. 41–43. Ротаторный экз. с подлинника.

3. РГАЭ. Ф.7486. Оп. 37. Д. 133. Л. 146–165.
4. ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 351. Л. 5. Типографский экземпляр.
5. ЦА ФСБ РФ Ф. 66. Оп. 1. Д. 351. Л. 80. Типографский экземпляр.
6. РГАЭ. Ф.7486. Оп. 1. Д. 832. Л. 87. Заверенная копия.
7. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 832. Л. 95–97. Копия.
8. Советское крестьянство. Краткий очерк истории. (1917–1970) / под ред. В.П. Данилова и др. Изд. 2-е, доп. М., Политиздат, 1973. С. 279.
9. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 13. Д. 65. Л. 338–354. Заверенная копия.
10. ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1285. Л. 129–132. Заверенная копия.
3. Russian State Archive of Economics. Collection 7486. Inventory. 37. File. 133. Sheets 146-165.
4. Central Archives of the Federal Security Service of the Russian Federation. Collection 66. Inventory 1. File. 351. Sheet. 5. Printed copy.
5. Central Archives of the Federal Security Service of the Russian Federation. Collection 66. Inventory 1. File. 351. Sheet 80. Printed copy.
6. Russian State Archive of Economics. Collection 7486. Inventory. 1. File. 832. Sheet 87. Certified copy.
7. Russian State Archive of Economics. Collection 7486. Inventory. 1. File. 832. Sheets 95-97. Certified copy.
8. Soviet peasantry. A brief outline of history. (1917–1970). Ed. by V.P. Danilov et al. 2nd ed., suppl. Moscow, Politizdat, 1973. P. 279.
9. State Archives of the Russian Federation Collection 8131. Inventory. 13. File. 65. Sheets 338-354. Certified copy.
10. Central Archives of the Federal Security Service of the Russian Federation. Collection 3. Inventory 3. File. 1285. Sheets 129-132. Certified copy.

References

1. Golinkov D.L. The Collapse of the Anti-Soviet Underground in the USSR. Book 2. – 3rd ed., suppl. – М.: Politizdat, 1980. P.309.
2. Central Archives of the Federal Security Service of the Russian Federation. Collection 2. Inventory 8. File 653. Sheets 41-43. Rotated copy from the original.